

УДК 930:629.7:32

doi 10.17072/2219-3111-2021-3-29-37

Ссылка для цитирования: *Попов А. Д.* Космический супергерой: возникновение культа Юрия Гагарина в контексте взаимоотношений власти и общества в СССР // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 3(54). С. 29–37.

КОСМИЧЕСКИЙ СУПЕРГЕРОЙ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ КУЛЬТА ЮРИЯ ГАГАРИНА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В СССР¹

А. Д. Попов

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 295007, Республика Крым, Симферополь,
пр-т Академика Вернадского, 4

popalex79@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5672-1198

ResearcherID: Q-2159-2017

Scopus Author: 57190138295

На основе архивных и опубликованных документов, материалов периодических изданий и других источников описано становление культа первого советского космонавта Юрия Алексеевича Гагарина, происходившее в период с 12 апреля по 1 мая 1961 г. По мнению автора, его базис был заложен решениями высших государственно-партийных органов СССР, принятых по личной инициативе Н. С. Хрущева, и включал следующие элементы: 1) награждение космонавта государственными наградами и знаками отличия; 2) включение даты первого космического полета в мемориальный календарь; 3) принятие решения о создании мемориальных сооружений, связанных с именем Гагарина. Именно на эту основу «надстраивались» различные практики, ритуалы и дискурсы, связанные с гагаринским культом, что в целом соответствовало механизмам персональной героизации в сталинский период, отработанным в 1930-е гг., а также в период Великой Отечественной войны. В этом процессе в рамках своих полномочий и возможностей также активно участвовали местные органы власти, отдельные трудовые коллективы и индивидуальные акторы, стремившиеся внести свой вклад в чествование Гагарина. Это выражалось в том числе в таких формах, как присвоение его имени различным объектам, генерирование наградных и производственных (ударнических) инициатив, сочинение аматорских стихотворений на космическую тему для советской прессы и т.д. Руководство СССР поощряло максимальное распространение гагаринского культа на всей территории страны, однако различные инициативы «снизу» становились замеченными и поддерживались лишь тогда, когда они способствовали выполнению консолидирующих, мобилизационных, воспитательных сценариев власти.

Ключевые слова: космонавтика, политика, пропаганда, героический культ, Ю. А. Гагарин, Н. С. Хрущев, СССР.

Горделив, Прекрасен, Лучезарен
Подвиг человека-космонавта!
Ты открыл нам дверь,
Майор Гагарин,
В гордое космическое завтра.
(*Саравайский*, 1961)

Введение

9 апреля 1961 г., по существовавшей уже несколько десятилетий традиции, в газете «Правда» были опубликованы утвержденные ЦК КПСС лозунги-призывы к Первомайским торжествам. В СССР такие призывы всегда публиковались за несколько недель до 1 мая и 7 ноября, в том числе для того, чтобы обращенные к народу пропагандистские формулировки были вовремя зафиксированы на транспарантах и праздничных инсталляциях. Один из почти сотни призывов звучал следующим образом: «Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам и рабочим – покорителям космоса!» (Призывы ЦК КПСС..., 1961). Всего че-

рез несколько дней в Советском Союзе появилась новая категория не просто объектов прославления, но подлинных супергероев – летчиков-космонавтов. Причем слава и почитание первого из них – Юрия Алексеевича Гагарина – достигла настолько впечатляющих масштабов, что фактически превратилась в новый, хотя и достаточно специфический, культ личности. 14 апреля 1961 г. состоялась грандиозная встреча-чествование первого советского космонавта в Москве, а 17 апреля Отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС принял специальное постановление, содержащее рекомендацию во время Первомайских торжеств «широко отразить в оформлении демонстрации, площадей, магистралей, а также во всех мероприятиях по проведению 1 Мая величайшее событие в истории человечества – первый в мире триумфальный полет советского человека на космическом корабле вокруг Земли, как выдающуюся победу советского народа в строительстве коммунизма» (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 212. Л. 78). Впрочем, модели и изображения спутников и космических ракет стали распространенным атрибутом всех политических празднований в СССР начиная с 7 ноября 1957 г. как следствие успешного запуска за месяц до этого первого искусственного спутника Земли (см., напр., (Народ торжествует, 1957)). Именно успешный запуск первого спутника обусловил начало эпохи советского «космического оптимизма», завершившейся в конце 1960-х гг. после гибели первого советского космонавта и начала успешной реализации лунной программы США. Во время Первомайской демонстрации 1961 г. на Красной площади майор Гагарин находился на трибуне мавзолея вместе с высшим руководством страны в качестве почетного гостя и привлекал большее внимание, чем любой другой из присутствующих.

Таким образом, появление культа Юрия Гагарина было в известной степени предопределено, но вместе с тем его масштабы и распространение превзошли самые смелые ожидания. Причем разоблачитель сталинского культа личности Н. С. Хрущев стал не просто убежденным адептом, но фактически отцом-основателем данного культа (о личном участии Хрущева в разработке сценария встречи Гагарина см. [Хрущев, 1994, с. 100–101]). Использование образа Гагарина для пропаганды коммунистической идеологии среди внутренней и зарубежной аудитории уже неоднократно характеризовалось исследователями [Коновалова, 2010; Тяглова, 2018; Gerovitch, 2011; Gestwa, 2009; Jenks, 2012 и др.]. В то же время меньше внимания было уделено анализу реакций «снизу» – тому, как именно в первые дни после полета Гагарина советские граждане отреагировали на космический триумф своего соотечественника. Во многих работах констатируется общая атмосфера ликования и энтузиазма, которая охватила подавляющее большинство советских граждан, а также описываются долгосрочные последствия развития культа Гагарина, вплоть до современного периода [Коновалова, 2010; Тяглова, 2018; Фокин, 2017; Gestwa, 2009; Jenks, 2012; Siddiqi, 2011 и др.]. Однако некоторые общественные реакции начального периода формирования гагаринского культа (с 12 апреля до 1 мая 1961 г.) остаются недостаточно отретфлексированными. Между тем именно они могут быть интересны для более глубокого понимания общественно-политических процессов конца 1950-х – начала 1960-х гг. в СССР и фиксации значимых паттернов взаимоотношения власти и общества в данный период.

«Три кита» космического культа: официоз и народный креатив

Советская символическая политика включала достаточно широкий набор элементов, но ключевыми из них являлись те, которые в максимальной степени контролировались государственно-партийными органами: 1) наградная система; 2) редактирование календаря праздничных и памятных событий; 3) строительство мемориальных сооружений. Вся эта «триада», создающая своеобразный фундамент последующей коммеморации (на который как вторичные элементы «надстраивались» дискурсы, практики и ритуалы), была использована и применительно к случаю Гагарина.

Советский героизм имел индивидуально-институциональное измерение: принадлежность к пантеону героев и место в нем обычно определялись официально полученными государственными наградами [Савин, 2020, с. 98]. В записке Министерства обороны СССР в ЦК КПСС, датированной 12 апреля 1961 г., за совершенный «беспримерный героический подвиг» майора Ю. А. Гагарина предлагалось наградить званием Героя Советского Союза (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 47. Д. 286. Л. 30). Это была наивысшая по статусу из существующих в СССР наград, учрежденная в 1934 г. для награждения семи авиаторов, участвовавших в спецоперации по спасению экипажа и пассажиров парохода «Челюскин». В последующие годы, особенно в период

Великой Отечественной войны, награждение этим званием приобрело значительные масштабы: на начало 1960-х гг. им было отмечено свыше 11 тыс. человек, имелись дважды и даже трижды Герои Советского Союза, в том числе среди военных летчиков (например, А. И. Покрышкин) [Борисова, 1964, с. 210, 212].

Однако высшее государственно-партийное руководство СССР нашло способ особо выделить Ю. А. Гагарина в этой когорте героев. В тот же день было принято Постановление ЦК КПСС «Об успешном осуществлении в Советском Союзе первого в мире космического полета человека на корабле-спутнике “Восток”», предусматривавшее более расширенный список наград для космического супергероя. В этом документе с грифом «совершенно секретно» высшая партийная инстанция утверждала проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Гагарину не только звания Героя Советского Союза, но и специально учрежденного для этого случая звания «Летчик-космонавт СССР». Данные указы Президиума были датированы 14 апреля и опубликованы в средствах массовой информации 15 апреля 1961 г. (Советский космос, 2011, с. 342, 352).

В то же время именно в эти и последующие дни в адрес Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева поступали многочисленные восторженные письма и телеграммы от советских граждан, в том числе содержащие разнообразные предложения по награждению первого космонавта и различным формам мемориализации его полета на космическом корабле «Восток». Донецкий инженер И. Лапин в своем письме предлагал в качестве государственной награды учредить орден Циолковского и награждать им лиц за особые заслуги в создании новых летательных космических аппаратов и освоении космоса (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 1). Среди достойных награждения он персонально называл только Юрия Гагарина: имена специалистов космической отрасли, в том числе связанных с осуществлением полета космического корабля «Восток», никогда не упоминались публично из соображений секретности (в отличие от умершего в 1935 г. и не связанного с прикладными космическими разработками К. Э. Циолковского) (подробнее об этой дилемме см. [Siddiqi, 2011]). Житель Ленинграда К. Сибирский предлагал учредить звание «Почетного гражданина Советского Союза» и присвоить его опять же Циолковскому, а также В. И. Ленину и Ю. А. Гагарину (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 54–55об.).

Актуальная задача включения первого космического полета в мемориальный календарь также оказалась решена. В своих «письмах во власть» отдельные советские граждане, трудовые и учебные коллективы предлагали сделать 12 апреля «Днем космонавтики», «Днем космоса», «Днем космонавта», причем некоторые считали, что эта дата должна быть объявлена общегосударственным нерабочим праздничным днем (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 6, 34–36, 53). Наиболее креативной была инициатива жителя Ташкента К. Бродовицкого, который предлагал сделать дату 12 апреля 1961 г. отправной точкой для введения нового летоисчисления – космической эры, высказывая уверенность, что вслед за СССР на него постепенно официально перейдут все страны мира (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 7–8). 12 апреля 1961 г. действительно вошло в перечень официально утвержденных в СССР праздничных и памятных дней как День космонавтики, однако данная дата не получила статуса «всенародной» и не являлась нерабочим днем (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 136. Д. 772. Л. 2). Что же касается нового летоисчисления, то эта инициатива не была поддержана официально, однако в публичном дискурсе она получила свое развитие: например, 1 мая 1961 г. в некоторых газетных публикациях называлось «первым Первомаем космической эры» (Владимиров, 1961).

Вопрос сооружения мемориальных объектов имел свою специфику, связанную с тем, что от решения о создании и до завершения строительства проходил определенный период времени, за который их концепция могла существенно меняться. Упомянутое выше Постановление ЦК КПСС от 12 апреля 1961 г., среди прочего, предполагало сооружение бюста Гагарина в Москве (Советский космос, 2011, с. 342), что являлось отступлением от сложившегося к тому времени порядка, согласно которому за счет государственных средств сооружались только бюсты дважды Героев Советского Союза или дважды Героев Социалистического Труда. Однако группа рабочих Киевского редукторного завода пошла еще дальше и выступила с инициативой отлить бюст Гагарина «из чистого золота» (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 62). Впоследствии стало очевидно, что гагаринский полет требовал более масштабной мемориализации монумент-

тальными средствами, и в Постановлении ЦК КПСС от 26 апреля 1961 г. уже говорилось о создании посвященного этому событию монумента в Москве и обелиска на месте приземления Гагарина (Советский космос, 2011, с. 388). Реальный объем появившихся объектов «монументальной пропаганды», связанных с Юрием Гагариным, многократно превзошел все эти первоначальные планы, однако эта тема требует более подробного рассмотрения в отдельных публикациях.

«Дотянуться до звезды...»: всесоюзная «эстафета» чествования супергероя

На уровне практик и ритуалов становление гагаринского культа также имело много траекторий. С одной стороны, он оказался включенным в масштабные инсценировки, так или иначе преемственные сталинскому ритуальному канону («всенародная» встреча-чествование, митинги и парады на Красной площади, торжественный прием в Кремле). Эта процессуальная составляющая с участием самого Гагарина и первых лиц страны самым активным образом освещалась всеми средствами массовой информации, но была локализована в столице СССР. Это в очередной раз подчеркивало ее исключительный статус, что опять же имело прямые аналогии со сталинским периодом (подробнее о роли Москвы в сталинской культуре см. [Паперный, 1996, с. 110–111]). Однако волна тематических гагаринских мероприятий на местах, хотя и без участия главного героя, была запущена тем же Постановлением ЦК КПСС от 12 апреля 1961 г., предусматривавшим проведение митингов «на всех предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях, колхозах, совхозах и воинских частях» (Советский космос, 2011, с. 342).

В период с 14 апреля по 1 мая 1961 г. Ю. А. Гагарин практически постоянно находился в Москве, участвуя в различных официальных мероприятиях, проходя медицинское обследование и общаясь с журналистами. Исключением стало лишь очень непродолжительное (28–29 апреля) посещение Чехословакии, никаких поездок по регионам страны им в тот период совершено не было [Первушин, 2017, с. 636–637]. Однако местные власти и жители всех населенных пунктов СССР желали связать свою малую родину с космическим героем, тем самым не только выразив свое отношение к его подвигу, но и в известной степени приобщившись к нему. При этом заданная на высшем уровне логика его чествования сохранялась, однако реализовывалась в тех форматах, которые были доступны на уровне локального сообщества, конкретного коллектива, семьи, отдельных акторов. Например, не имея полномочий в вопросе присвоения государственных наград, муниципальные власти Севастополя 15 апреля 1961 г. приняли решение присвоить Гагарину звание Почетного гражданина этого города-героя. Здесь же, в Севастополе, за короткий период времени его именем были названы проспект, школа-интернат № 2, ремесленное училище № 3, детский сад № 28 (АГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 724. Л. 1, 16, 41; Первый летчик-космонавт..., 1961). Такая практика наблюдалась повсеместно: по инициативе местных советов и различных коллективов в честь первого космонавта называли площади, проспекты, улицы, совхозы, кинотеатры, морские суда (В честь героя, 1961). Наконец широко известным фактом является то, что очень большое распространение получила практика давать новорожденным мальчикам имя Юрий, на что указывают многие источники (см., напр., (Тезки, 1961)). Это наглядный пример случая, когда решение об увековечении имени первого космонавта находилось в компетенции конкретной семьи, и родители детей, появившихся на свет в тот период, активно пользовались такой возможностью.

Практически во всех региональных газетах тех дней можно было увидеть фотографии с изображениями улыбающихся энтузиастов, устанавливающих таблички с названием улицы или новые вывески какого-либо предприятия или учреждения (фабрики, библиотеки, школы) с фамилией Гагарин. Все это происходило спустя пять лет после того, как Н. С. Хрущев в своем докладе о разоблачении культа личности однозначно высказался против практики, когда об авторитете того или иного человека судят по тому, сколько городов, заводов и колхозов носит его имя (Хрущев, 1956, с. 55). Однако в данном случае все происходящее рациональнее объяснять не скрытой сублимацией сталинского культа, а прагматическими соображениями. Государственно-партийное руководство СССР всегда использовало знаменательные даты и образы героев не только для идейно-политической, но и для трудовой мобилизации советских граждан (см., напр., [Попов, 2020]). Естественно, что первый космический полет и связанная с ним общественная эйфория создавали прекрасные условия для реализации мобилизационных практик. Однако, как всегда в подобных случаях, инициативы «сверху» и «снизу» находились в очень тесной взаимосвязи. Уже в первые дни после начала космической эры советская пресса пестре-

ла не только поздравлениями, но и заявлениями о принятых различными трудовыми коллективами повышенных производственных обязательствах, причем некоторые из них называли себя «гагаринцами» (см., напр., *(Одесский, 1961)*), по аналогии со «стахановцами» и «черкасовцами». Эти публикации имели названия перформативного характера, типа «Будем трудиться еще лучше». Также много космических коннотаций имел традиционный весенний «ленинский» воскресник², который в 1961 г. состоялся 16 апреля.

Видимо опыт первого этапа космической мобилизационной кампании, связанной с именем Гагарина, был оценен руководством страны как успешный. Подтверждением этому может являться принятие 26 апреля 1961 г. ЦК КПСС Постановления «О мерах по дальнейшему ознаменованию и популяризации первого полета советского человека в космос», где задачи данной агитационно-пропагандистской работы внутри страны формулировались как воспитание трудящихся, особенно молодежи, в духе советского патриотизма и мобилизация рабочих, колхозников, интеллигенции на досрочное выполнение плана третьего года семилетки (*Советский космос, 2011, с. 386–387*).

Гагарин как муза: стихотворные оды первому космонавту

К знаменательному космическому событию был адаптирован и публичный дискурс, причем в данной статье будут охарактеризованы лишь некоторые типичные тексты, имевшие стихотворную форму. 14 апреля 1961 г. на торжественном приеме в честь Ю. А. Гагарина в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца Н. С. Хрущев, видимо, желая риторически подчеркнуть значимость первого полета в космос, высказался в том духе, что даже известные поэты – мастера слова с трудом подбирают эпитеты для описания этого события (*РГАНИ. Ф. 3. Оп. 47. Д. 286. Л. 60*). В действительности же количество посвященных этой теме текстов оказалось рекордным. Соответствующие моменту патетические оды Гагарину в рифмованной форме стали складываться уже в первые часы после его возвращения с космической орбиты. В этом поэтическом спринте были максимально задействованы профессиональные авторы. Например, А. Т. Твардовский в своем дневнике достаточно рутинно пишет о том, что по просьбе ТАСС еще до официального объявления о состоявшемся первом космическом полете вынужден был быстро «слепить» некий стихотворный комментарий: «Перед несчетными веками, / Что над мирами протекли, / Горжусь моими земляками – / Сынами матери Земли» (*Твардовский, 1961*). Популярные авторы В. А. Дыховичный и М. Р. Слободский в своем стихотворении добавили пафоса и противопоставили Гагарина высшим силам христианского вероучения: «Он летит – и в небе он не лишний. / Он не бог, не ангел, не святой, / Но он первый истинный Всевышний, / Овладевший этой высотой!» (*Дыховичный, Слободский, 1961, с. 5*).

Более того, практически каждый номер региональных газет содержал также стихотворения поэтов-аматоров, посвященные космической теме. Феномен непрофессионального (или, как его еще называют, любительского, аматорского, «наивного») сочинительства до сих пор не стал объектом подробного исследовательского анализа. Если использовать обобщающую работу фольклориста и антрополога М. Л. Лурье, такого рода жанр газетных публикаций (действительно чрезвычайно распространенный в советское время) имеет много общего с современными «ритуальными» текстами типа поздравлений, тостов, пожеланий на юбилей или день рождения [*Лурье, 2001, с. 21*]. Авторы этих рифмованных текстов ставят своей целью зафиксировать значимость того или иного исторического момента и в максимально патетической стилистике пересказать читателю ту трактовку данного события, которая конвенционально допустима в текущей ситуации. При этом в условиях отмеченной лингвистом М. А. Кронгаузом диглоссии советского языка (подробнее см. [*Кронгауз, 1994*]) рифмование текста являлось регистром перехода от «низкого» (бытового) к «высокому» идеологическому стилю. Поэтому такие аматорские стихотворения содержали все характерные смысловые схемы, литературные штампы и клише, заимствованные из официальных обращений, стенограмм выступлений, всевозможных рапортов, но, в отличие от них, более легко и с повышенным интересом воспринимались аудиторией читателей или слушателей независимо от литературных достоинств самих текстов. Так, в газетном репортаже о митинге на симферопольской швейной фабрике, состоявшемся 12 апреля 1961 г., сообщается о том, что один из работников предприятия завершил свое выступление такими стихотворными строками собственного сочинения: «Отважный сын Советского Союза / Проложил путь в космос для людей, / Да будет мир на всей планете / И ком-

мунизм на ней». Далее автор репортажа констатировал, что «хотя эти стихи и не были совершенны, но сотни работников громко аплодировали своему поэту» (Нашей Родине..., 1961).

Естественно, что в поэзии, посвященной первому полету человека в космос, его успех позиционировался как важное достижение на пути к коммунистическому будущему. Подвиг Гагарина рассматривался как закономерный результат развития потенциала страны, следующей ленинским курсом: «И в этой победе великой / Бессмертных идей торжество, / И вечного Ленина слово, / И правда, и светоч его» (*Земной*, 1961). В то время авторы явно старались избегать прямых смысловых отсылок к сталинской эпохе, в том числе к периоду Великой Отечественной войны (даже если стихотворение называлось «Великая Победа»). Предсказуемо подчеркивалось огромное геополитическое значение данного события, причем часто литературно обыгрывалось название космического корабля «Восток»: «А кто-то, / Вестью сбитый с ног внезапно, / Уже готов чернить земли восторг. / Опять на задний план отходит Запад... / – С победой тебя, Восток!» (*Лесин*, 1961).

Вновь был задействован и весьма распространенный в советской пропаганде довоенного и военного периода псевдофольклорный жанр, также «упакованный» в стихотворную форму. В качестве примера можно привести авторские частушки на космическую тему, опубликованные в одном из апрельских номеров журнала «Крокодил» (Космические частушки, 1961). Формируемый в публичном дискурсе образ космонавта Гагарина предполагал не только широко декларируемое в советской политэкономии стирание существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. Фактически в апреле 1961 г. в советском общественном сознании возникла иллюзия стирания границ между земным и космическим: «До утра стояли люди / У ларька “Союзпечать” / И шутили: “Все там будем! / Тут ведь главное – начать”»; «Объявление в газетах: / “Рад квартиру поменять, / Отдаленные планеты / Без удобств не предлагать!”» (Космические частушки, 1961, с. 5).

Аналогичные мотивы максимальной «доступности космоса», во всяком случае для советского человека, появились и в авторской поэзии для детей: «Таня каждый день мечтает / О полете на Луну. / Только мама не пускает / В дальний путь ее одну» (цит. по [Коновалова, 2010, с. 85]), а также нашли свое отражение в неофициальном народном фольклоре: «Я сидела на Луне, / Чистила картошку, / Вдруг Гагарин прилетел – / Заиграл в гармошку» (Заветные частушки, 1999, с. 89). Поэтому неудивительно, что уже упоминавшийся выше корпус писем в Президиум Верховного Совета СССР за апрель 1961 г. включал несколько прошений граждан, предлагавших себя в качестве потенциальных космонавтов (ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 13, 18). Впрочем, неподцензурный народный фольклор, в отличие от прошедшего цензуру псевдофольклора («Наша родина успехом / Вдруг прославилась навек. / Всю вселенную объехал / Наш советский человек») (Космические частушки, 1961, с. 5), мог содержать в себе и скептические оценки происходящего: «Обогнали мы / Все страны в космосе, / А в колхозе трактора / Поломались все» (Заветные частушки, 1999, с. 189).

Заключение

Таким образом, генезис героического культа Гагарина в целом происходил по устоявшимся в сталинский период канонам, сформировавшимся в 1930-е гг. и закрепившимся в период Великой Отечественной войны, хотя беспрецедентность первого в истории полета в космос и специфика взглядов Н. С. Хрущева на вопросы внутренней и внешней политики обусловили появление некоторых инноваций. В основном они касались международной, культурно-дипломатической миссии первого советского космонавта, что требует отдельного рассмотрения, тогда как его внутриполитические проявления оказались максимально традиционными. Высшее государственно-партийное руководство страны для достижения консолидирующего, мобилизационного и воспитательного эффекта стремилось сделать внутрисоюзную кампанию «всенародного чествования» Ю. А. Гагарина максимально массовой, зрелищно-выразительной и доступной всем категориям населения, при этом сохранив контроль за ее содержанием. В целом, этого удалось достигнуть, причем очевидным было стремление рядовых советских граждан разными способами (наградные инициативы, повышенные производственные обязательства, стихотворение собственного сочинения) внести свой вклад в чествование своего согражданина, которого они действительно считали героем в максимальной степени, восхищались и гордились им. Однако представители местной, а тем более центральной власти в основном

слышали эти «голоса их хора» только тогда, когда они перекликались с решением каких-либо актуальных управленческих задач.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-09-00218).

² После перехода в 1967 г. на пятидневную рабочую неделю это ежегодное мероприятие, связанное с датой рождения В. И. Ленина (22 апреля), трансформировалось в ленинский субботник.

Список источников

- Архив города Севастополя (АГС). Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 724. Л. 1, 16, 41.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 61. Л. 1, 7–8, 13, 18, 34–36, 53–55 об., 62; Оп. 136. Д. 772. Л. 2.
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 22. Д. 212. Л. 78; Оп. 47. Д. 286. Л. 30, 60.
В честь героя // Правда. 1961. 15 апреля.
Владимиров Л. Пришел Первомай // Победа. 1961. 1 мая.
Дыховичный В., Слободский М. С высоты человеческого полета // Крокодил. 1961. № 11. С. 5.
Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова: в 2 т. Т. 2. Политические частушки / сост. А.В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. 500 с.
Земной В. Великая Победа // Курортная газета. 1961. 13 апреля.
Космические частушки // Крокодил. 1961. № 12. С. 5.
Лесин А. Старт веков // Крымская правда. 1961. 15 апреля.
Народ торжествует // Литературная газета. 1957. 11 ноября.
Нашей Родине – слава! // Слава Севастополя. 1961. 13 апреля.
Одесский В. Наша страна – страна гагаринцев // Крымская правда. 1961. 13 апреля.
Первый летчик-космонавт Гагарин – почетный гражданин Севастополя // Слава Севастополя. 1961. 15 апреля.
Призывы ЦК КПСС к 1 мая 1961 года // Правда. 1961. 9 апреля.
Твардовский А. 17 апреля [1961 г.]. Дневниковая запись [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221961-01-01%22&diaries=%5B194%5D> (дата обращения: 08.02.2021).
Тезки // Крокодил. 1961. № 11. С. 5.
Саравайский М. Пионер Вселенной // Слава Севастополя. 1961. 13 апреля.
Советский космос. Специальное издание Вестника Архива Президента Российской Федерации к 50-летию полета Юрия Гагарина. М.: Б. и., 2011. 719 с.
Хрущев Н.С. Речь на закрытом заседании XX Съезда КПСС (24–25 февраля 1956 г.). Мюнхен: Б. и., 1956. 57 с.

Библиографический список

- Борисова Н.Л. Высшая награда за мужество и отвагу // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 210–212.
Коновалова Л.В. Стану Гагариным, когда подрасту! Культ космоса во властных практиках и восприятии детей в конце 1950-х – 1960-е годы // Вестник Челяб. гос. ун-та. История. 2010. № 15 (196). С. 80–87.
Кронгауз М.А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (дата обращения: 08.02.2021).
Лурье М.Л. О феномене наивного сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С.Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15–28.
Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
Первушин А. Юрий Гагарин: один полет и вся жизнь. Полная биография первого космонавта планеты Земля. СПб.: Пальмира, 2017. 671 с.
Попов А.Д. Память о Великой Отечественной войне как мобилизационный ресурс: советский опыт 1960–1980-х гг. // СССР во Второй мировой войне (1939–1945 гг.): проблемы исторической памяти: сб. тр. СПб.: Свое издательство, 2020. С. 396–402.

Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Твер. гос. ун-та. История. 2020. № 3 (55). С. 93–108.

Тяглова М.А. Мифизация космонавтики в зеркалах культурного сознания // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4, № 2. С. 156–165.

Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.

Хрущев С. Никита Хрущев: кризисы и ракеты. Взгляд изнутри: в 2 т. М.: Новости, 1994. Т. 2. 534 с.

Gerovitch S. The Human Inside a Propaganda Machine: The Public Image and Professional Identity of Soviet Cosmonauts // Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 77–106.

Gestwa K. “Kolumbus des Kosmos”. Der Kult um Jurij Gagarin // Osteuropa. 2009. Vol. 59, no. 10. S. 121–151.

Jenks A.L. The Cosmonaut Who Couldn't Stop Smiling: The Life and Legend of Yuri Gagarin. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2012. 315 p.

Siddiqi A. Cosmic Contradictions: Popular Enthusiasm and Secrecy in the Soviet Space Program // Into the Cosmos: Space Exploration and Soviet Culture. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011. P. 47–76.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.03.2021

SPACE SUPERHERO: FORMATION OF THE CULT OF YURI GAGARIN IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN POWER AND SOCIETY IN THE USSR

A. D. Popov

Vernadsky Crimean Federal University, Akademik Vernadsky ave., 4, 295007, Simferopol, Russia

popalex79@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5672-1198

ResearcherID: Q-2159-2017

Scopus Author: 57190138295

Based on the archival and published documents, materials of periodicals and other sources, the article characterizes the formation of a cult of the first Soviet astronaut Yuri Alekseyevich Gagarin during the period from April 12 to May 1, 1961. According to the author, the basis of this cult was put by the decisions of the supreme authorities of the USSR on a personal initiative of Nikita Khrushchev and included the following elements: 1) astronaut's rewarding with the state awards and distinctions; 2) inclusion of the first space flight date in the memorial calendar; 3) making decision on the creation of the memorial constructions connected with Gagarin's name. On this basis, various practices, rituals, and discourses connected with Gagarin's cult that in general corresponded to the mechanisms of personal glorification during the Stalin's period in the 1930s and during the Great Patriotic War were built on. The local authorities, separate labor collectives and individual actors seeking to make the contribution to Gagarin's celebration actively participated in the process within the limits of their powers and opportunities. It was expressed in such forms as assignment of Gagarin's name to various objects, generation of prizes and production initiatives, writing amateurs' poems on the space theme for the Soviet press, etc. The USSR authorities encouraged the maximum distribution of the Gagarin's cult throughout the country; however, various initiatives "from below" became noticed and were supported only when they promoted implementation of the consolidating, mobilizational and educational scenarios of the power.

Key words: cosmonautics, politics, propaganda, heroic cult, Yuri A. Gagarin, Nikita S. Khrushchev, USSR.

Acknowledgments

¹ The research for this article was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-09-00218.

References

Borisova, N.L. (1964), “The highest award for courage and bravery”, *Voprosy istorii*, № 4, pp. 210–212.

Fokin, A.A. (2017), «*Kommunizm ne za gorami*». *Obrazy budushchego u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-kh godov* [“Communism is not far off”. Images of the future in power and the population of the USSR at the turn of the 1950s – 1960s], *Politicheskaya entsiklopediya*, Moscow, Russia, 223 p.

- Gerovitch, S. (2011), "The human inside a propaganda machine: The public image and professional identity of Soviet cosmonauts", in Andrews, J. & A. Siddiqi (eds.), *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, USA, pp. 77–106.
- Gestwa, K. (2009), "'Kolumbus des Kosmos". Der Kult um Jurij Gagarin", *Osteuropa*, Vol. 59, № 10, pp. 121–151.
- Jenks, A.L. (2012), *The cosmonaut who couldn't stop smiling: The life and legend of Yuri Gagarin*, Northern Illinois University Press, DeKalb, USA, VIII, 315 p.
- Khrushchev, S. (1994), *Nikita Khrushchev: krizisy i rakety. Vzglyad iznutri* [Nikita Khrushchev: crises and rockets. Inside view], Vol. 2, Novosti, Moscow, Russia, 534 p.
- Konovalova, L.V. (2010), "I will become Gagarin when I grow up! The cult of space in power practices and the perception of children in the late 1950s – 1960s", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 15, Istorija, Vyp. 40, pp. 80–87.
- Krongauz, M.A. (1994), *Bessilie yazyka v epokhu zrelogo sotsializma* [Language powerlessness in the age of mature socialism], available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krongauz1.htm> (accessed 08.02.2021).
- Lurye, M.L. (2001), "About the phenomenon of naive writing", in Neklyudov, S.Yu. (ed.), «*Naivnaya literatura*»: issledovaniya i teksty ["Naive literature": research and texts], Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond, Moscow, Russia, pp. 15–28.
- Papernyi, V. (1996), *Kul'tura Dva* [Culture Two], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 384 p.
- Pervushin, A. (2017), *Yuriy Gagarin: odin polet i vsya zhizn'. Polnaya biografiya pervogo kosmonavta planety Zemlya* [Yuri Gagarin: one flight and all his life. Full biography of the first astronaut of the planet Earth], Pal'mira, St. Peterburg, Russia, 671 p.
- Popov, A.D. (2020), "Memory of the Great Patriotic War as a mobilization resource: Soviet experience of the 1960s – 1980s", in Krasnozhenova, E.E. & S.V. Kulik (eds.), *SSSR vo Vtoroy mirovoy voyne (1939–1945 gg.): problemy istoricheskoy pamyati* [USSR in World War II (1939–1945): problems of historical memory], Svoe izdatel'stvo, St. Peterburg, Russia, pp. 396–402.
- Savin, A.I. (2020), "Heroism as an ideological concept of the Stalin's era", *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija*, № 3, pp. 93–108.
- Siddiqi, A. (2011), "Cosmic contradictions: Popular enthusiasm and secrecy in the Soviet space program", in Andrews, J. & A. Siddiqi (eds.), *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, USA, pp. 47–76.
- Tyaglova, M.A. (2018), "Mythization of cosmonautics in mirrors of cultural consciousness", *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*, Vol. 4, № 2, pp. 156–165.